

Olga V. Belova

Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia

Ushestie and Avdotki in the Context of the Smolensk Urban Narrative and Traditional Rite

Voprosy onomastiki, 2019, Vol. 16, Issue 4, pp. 108–122

DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.4.047

Language of the article: Russian

Белова Ольга Владиславовна

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Ушестье и авдотки в контексте смоленского городского нарратива и традиционной обрядности

Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 4. С. 108–122

DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.4.047

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

УШЕСТЬЕ И АВДОТКИ В КОНТЕКСТЕ СМОЛЕНСКОГО ГОРОДСКОГО НАРРАТИВА И ТРАДИЦИОННОЙ ОБРЯДНОСТИ*

С середины XIX в. в краеведческой и этнографической литературе, посвященной Смоленску, sporadически встречается упоминание о паломничестве, ежегодно совершавшемся белорусскими крестьянками из окрестных уездов на праздник Вознесения Господня в Спасо-Вознесенский женский монастырь. Название праздника Вознесения (*Ушесцье*, *Ушестье*) упоминается во всех известных нам публикациях описания паломничества в Смоленск. В ряде источников оно приобретает форму *Умесцье* и впоследствии начинает фиксироваться словарями в качестве самостоятельного хрононима, а именно «местного» названия праздника Вознесения. Задача статьи — на основе текстологического анализа источников определить причины появления этого хрононима и установить его фантомный характер. Также ставится цель проанализировать термин *авдотки*, обозначающий участник богомолья в Вознесенском монастыре, с точки зрения его возможного происхождения, времени фиксации, сферы употребления и географии. В статье рассмотрены некоторые сюжеты, связанные с *авдотками*, и показано, как традиционные поверья встраиваются в локальный городской текст и получают «материализацию» в связи с конкретными городскими объектами. В архивных материалах первой половины XX в. нам пока не удалось найти упоминаний об этом паломничестве, равно как и зафиксировать термин *авдотки* в современной устной традиции, возможно, потому, что Вознесенский монастырь после закрытия и разорения его некрополя перестал быть центром духовного притяжения. Задачу

---

* Автор сердечно благодарит Е. Л. Березович, Д. В. Валуева, Н. А. Савину и Л. Л. Степченкова за консультации при подготовке статьи и за помощь в разыскании редких печатных источников.

дальнейшего исследования мы видим в том, чтобы уточнить, насколько распространена на Смоленщине практика приношений к «святым» местам в память об умерших детях и насколько культ из Вознесенского монастыря был известен за пределами Смоленска и в самом Смоленске. Пока же мы можем констатировать оригинальную этнографическую ситуацию, когда белорусские крестьянки «привязали» традиционные поверья к конкретному городскому объекту, и благодаря этому локальный текст Смоленска обогатился «диалектным» содержанием.

К л ю ч е в ы е с л о в а : хронимия, диалектная лексика, обряды, народный календарь, городской фольклор, народная религиозность, народные верования.

С середины XIX в. в краеведческой и этнографической литературе, посвященной Смоленску, sporadически встречается упоминание о паломничестве, ежегодно совершавшемся белорусскими крестьянками из окрестных уездов на праздник Вознесения Господня в Спасо-Вознесенский женский монастырь. В известных нам описаниях событий, совершавшихся в этот день в самой обители и вокруг нее, отмечены два интересных языковых факта — имя собственное (хроним) *Ушестье* (как обозначение праздника Вознесения) и слово *авдотки* (как наименование участниц ритуальных действий), которое, на первый взгляд, является отыменным образованием. В статье рассмотрена специфика этих терминов языка культуры и их лексикографическая судьба.

Для корректного понимания истории рассматриваемых терминов требуется решить еще несколько задач: на основе текстологического анализа установить первоисточник сведений о паломничестве; проследить трансформацию описаний хождения в Вознесенский монастырь и насыщения их этнографическими подробностями; рассмотреть связь двух ключевых терминов с ритуальными практиками, сопровождавшими паломничество; показать, как фрагменты традиционной обрядности и термины языка культуры встраиваются в городской нарратив.

Опираясь на разновременные [Никифоров, 1853; Неверович, 1859, 151–152; Цебриков, 1862, 279–280; Орловский, 1906; 1907, 57; Добровольский, 1914, 2–3, 938] описания паломничества, происходившего на праздник Вознесения, можно с уверенностью констатировать, что все они восходят к одному первоисточнику — заметке в «Смоленских губернских ведомостях» за 1853 г. [Никифоров, 1853].

Автор заметки «Об особенностях в г. Смоленске праздника Вознесения Господня» Ф. Никифоров представил не только описание празднования в монастыре и крестного хода из Успенского собора к Вознесенскому монастырю, подробный рассказ о традиционном костюме паломниц, но сообщил также о городской ярмарке и посещении ярмарочного балагана:

За два дня до праздника Вознесения, в Смоленске царствует обыкновенная, повседневная тишина; но во вторник, т. е. за день до праздника, город начинает постепенно наполняться народом и преимущественно крестьянками <...> По всем дорогам, ведущим к Смоленску, идут толпы народа; у каждого и у каждой из пешеходов вы

увидите за плечами довольно большую ношу, в которой заключаются: часть праздничного наряда, провизия и кое-что из сельских произведений для продажи. Если вы спросите у них, куда идут? они ответят: *кушестию*; это, на их языке, значит: к празднику во-сшествия Господня. <...> *Сами крестьяне приносят для продажи: горсть льну, моток ниток, десяток аришин холста, пучек гусиных перьев, пучек щетины, десяток яиц и прочие не значительные и в малом количестве предметы. Городские жители также стараются сбыть всякую рухлядь и старье, меняя, продавая и покупая. Так, за какую-нибудь красную ленточку выменивают у крестьянки десяток яиц, а за пучек ленточек ярких цветов, которые крестьянские девушки вплетают в косы, она готова отдать и более ценные предметы* [Никифоров, 1853/26, 206, 208]¹.

Выделенный курсивом² фрагмент (как и тот, что приводится ниже) является знаковым, по нему текст Никифорова опознается во всех более поздних публикациях, где ссылка на первоисточник, за исключением одного случая, отсутствует, в чем мы впоследствии и убедимся.

Из заметки Ф. Никифорова читатель также узнает об основной цели прихода крестьянок в Смоленск — они идут именно на богомолье, приуроченное к празднику Вознесения и проводимое в определенном месте — Вознесенском монастыре:

Неизвестно когда именно и вследствие чего ввелось обыкновение стечения народа к празднику Вознесения Господня и почему преимущественно приходят крестьянки, которые бывают не только из ближайших к Смоленску уездов, но даже из отдаленных и других соседственных губерний. — Последнее обстоятельство одни объясняют тем, что в это время года крестьянки не заняты сельскою работою; а другие говорят, что вообще такое большое стечение народа происходит оттого, что в это время ярмарка. Но то и другое предположение несправедливо потому: во-первых, что и во время других некоторых храмовых праздников в Смоленске крестьянки свободны от работ, однако ж они не приходят. Скорее можно предположить, что преимущественно собираются женщины к празднику Вознесения Господня оттого, что этот праздник в женском монастыре, во-вторых, что большое стечение народа бывает не вследствие ярмарки, — это доказывается тем, что в тот самый день, когда только начинается ярмарка, почти все расходятся, — следовательно, главная цель стечения — богомоление [Никифоров, 1853/27, 216].

Обратим внимание на хрононим, представленный в публикации Никифорова в оригинальной форме — *кушестию*, т. е. к *Ушестию*. Это одна из первых фиксаций названия праздника Вознесения, в которой засвидетельствована трансформация слова *восшествие* в диалектной среде.

В 1859 г. В. Неверович публикует в «Памятной книжке Смоленской губернии на 1859 год» очерк «О праздниках, поверьях и обычаях у крестьян белорусского

¹ Здесь и далее для наглядности трансформации текста сохраняем особенности орфографии источника.

² Здесь и далее в этом фрагменте курсив наш. — О. Б.

племени, населяющих Смоленскую губернию» [Неверович, 1859], в котором со ссылкой на публикацию Ф. Никифорова³ так излагает сюжет с паломничеством:

В среду на 6-й неделе по пасхе наша церковь кончает светлый праздник, а в Четверг празднует уже Св. Вознесение, которое называется здесь *Ушестье*. За день до праздника Вознесения Господня крестьяне, преимущественно крестьянки бывают в губернском городе Смоленске. Отправляясь из своих домов, они говорят: «*идземъ къ ушесцью*», что на языке их значит: к празднику Восшествия Господня. Стечение народа бывает так велико, что весьма многим даже нет приюта и так как не многие имеют знакомых в городе, у которых бы могли расположиться, то некоторые из пришедших, не найдя его, остаются на открытом воздухе, где-нибудь в уголке улицы или площади. Главная цель путешествия: Богомоление, а потом торговля, так как в день Вознесения бывает в Смоленске ярмарка, которую белорусские крестьяне называют *Кирмашь*; для продажи приносят горсть льну, моток ниток, десяток аршин холста, пучек гусиных перьев, пучек щетины, десяток яиц и прочие незначительные и в малом количестве предметы: за какую-нибудь красную ленточку городские жители выменивают у крестьянок десяток яиц, а за пучек ленточек красных цветов, которые крестьянские девушки влетают в косы, — отдают и более ценные предметы. В самый день праздника Вознесения Господня после крестного хода и литургии, которая совершается в Смоленском Вознесенском девичьем монастыре, народ расходится. Неизвестно когда именно и в следствие чего ввелось обыкновение ходить к празднику Вознесения Господня и почему преимущественно ходят крестьянки, которые бывают не только из ближайших к Смоленску уездов, но даже и отдаленных и других соседственных губерний [Неверович, 1859, 151–152].

В отличие от Никифорова Неверович приводит более адекватное название праздника (*Ушестье, идзем к ушесцью*); в его изложении применительно к ярмарке впервые употребляется слово *кирмаш*.

Следующий источник, в котором отразился сюжет вознесенского паломничества, датируется 1862 г. Описание Смоленской губернии, сделанное по поручению Генерального штаба М. М. Цебриковым, содержит компилятивный рассказ о празднике Вознесения в Смоленске: в тексте опознаются черты публикаций Никифорова и Неверовича (перечень «приношений» крестьянок для продажи, название ярмарки *кирмаш*).

В четверг на шестой неделе после Пасхи празднуется Св. Вознесение, называемое здесь *Умесцье*. За день или за два пред этим праздником, крестьяне и преимущественно крестьянки приходят в Смоленск. Собираясь в путь, они обыкновенно говорят: «идземъ къ Умесцью», разумея под этим словом праздник Вознесения Господня. Стечение народа к этому дню бывает весьма велико, так что большая часть богомольцев, не имея знакомых в городе, где бы могли приютиться, ночуют под открытым

³ «Сведения эти позаимствованы из статьи г. Никифорова “Об особенностях в г. Смоленске праздника Вознесения Господня”, помещенной в Смол. губ. вед. 1853, № 26 и 27» [Неверович, 1859, 216].

небом, на площадях и улицах; целию путешествия служит частию богомолье, частию Вознесенская ярмарка (по-местному *Кирмашъ*). *Крестьянки приносят для продажи то горсть льну, то моток ниток или десяток аришин холста, то пучок гусиных перьев или щетины, десяток яиц и т. п. предметы в самом ограниченном количестве. За какую-нибудь красную ленточку, у них выменивают десяток яиц, а за пучок таких ленточек — и более ценные предметы.* В самый день праздника, после крестного хода и литургии, совершаемой в Вознесенском девичьем монастыре, богомольцы расходятся. *К этому празднику стекаются жители не только из ближайших к Смоленску уездов, но даже из соседственных губерний,* хотя объяснить происхождение этого обыкновения весьма трудно. Но так как в это время крестьянин особенно занят полевыми работами, то этим самым и объясняется, почему к названному празднику стекаются преимущественно крестьянки [Цебриков, 1862, 279–280].

Главное отличие публикации Цебрикова от его предшественников состоит в том, что здесь впервые появляется слово *Умесцье*, снабженное примечанием публикатора: «Это слово происходит от польского: *w miasto*, которое означает *въ место*, т. е. в город» [Цебриков, 1862, 279]. При этом при корректной фиксации смысла выражения *w miasto* объяснение слова *Умесцье* в тексте Цебрикова (в отличие от описаний *Восшествия — кушестия* у Никифорова и *Уишетья* у Неверовича) невнятно и вводит в заблуждение: конструкции «празднуется Св. Вознесение, называемое здесь *Умесцье*» и «говорят: “идземъ къ Умесцью”», разумея под этим словом праздник Вознесения Господня» создают ложное впечатление, что перед нами хрононим и *Умесцье* есть не что иное, как местное название праздника. Вторая особенность описания Цебрикова отражена в еще одном примечании, относящемся к участникам богомоления: «Крестьянки-богомолки, приходящие к этому празднику в Смоленск, носят название — *авдоток*» [Там же]. Так впервые применительно к данному сюжету фиксируется термин *авдотки*, к рассмотрению которого нам еще предстоит обратиться.

Сейчас же проследим дальнейшую судьбу фантомного хрононима *Уместье*, возникшего волею публикатора из сочетания *w miasto*, т. е. «в город». Это слово вновь возникает в «Смоленском областном словаре» В. Н. Добровольского, причем дважды — в статье «*Авдотка*» [Добровольский, 1914, 2–3] и в статье «*Умесцье*» [Там же, 938], оба раза с указанием источника, а именно публикации М. М. Цебрикова:

В четверг на шестой неделе после Пасхи празднуется св. Вознесение, называемое здесь *умесцье*. За день или за два перед этим праздником, крестьяне и преимущественно крестьянки приходят в Смоленск. Собираясь в путь, оне обыкновенного говорят: «*идземъ къ умесцью*», разумея под этим словом праздник Вознесения Господня. Стечение народа к этому дню бывает весьма велико, так что большая часть богомольцев, не имея знакомых в городе, где бы могли приютиться, ночуют под открытым небом, на площадях и улицах; целию путешествия служит частию богомолье, частию Вознесенская ярмарка (по-местному «*кирмашъ*»). *Крестьянки приносят для*

продажи то горсть льну, то моток ниток или десяток аришин холста, то пучек гусиных перьев или щетины, десяток яиц и т. п. предметы в самом ограниченном количестве. За какую-нибудь красную ленточку у них выменивают десяток яиц, а за пучок таких ленточек и более ценные предметы. В самый день праздника, после крестного хода и литургии, совершаемой в Вознесенском девичьем монастыре, богомольцы расходятся. Крестьянки-богомолки, приходящие к этому празднику в Смоленск, носят название — *авдоток* [Добровольский, 1914, 2–3].

Как видим, этот текст копирует сведения Цебрикова, но примечание Цебрикова относительно происхождения слова *Умесцье* из польского словосочетания никак не отражено, и слово подается как самостоятельный хроним. Примечание Цебрикова об *авдотках* внесено Добровольским в текст словарной статьи.

Именно из словаря Добровольского *Умесцье* перекочевало в другие словари — уже как полноценный хроним, якобы бытующий в смоленской языковой традиции. В «Словаре русских народных говоров» в статье «*Уместье*» вторым значением слова (со ссылкой на словарь Добровольского) зафиксировано следующее: ‘в православном народном календаре — праздник Вознесения Господня, отмечаемый на сороковой день после Пасхи, сопровождающийся большим стечением народа и ярмаркой’ — «Идем к Уместью» (смол., 1914) [СРНГ, 47, 182]. В новом этнолингвистическом словаре «Русский народный календарь» *Уместье* с пометой «смол.» также представлено отдельной статьей: *Умэстье* ‘Вознесение Господне, четверг на шестой неделе после Пасхи’ — «В четверг на шестой неделе после Пасхи празднуется святое Вознесение, называемое здесь Умесцье» [РНК, 447]. Составители словаря ссылаются на картотеку «Словаря русских народных говоров» (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург), которая является также источником статьи в [СРНГ] и цитирует Добровольского. Отметим, что данного слова в качестве названия праздника Вознесения нет в «Словаре смоленских говоров» [ССГ, 11].

Таким образом, лексикографическая судьба диалектного названия праздника Вознесения (*Восшествие*, *Вшестье*, *Ушестье*, *Ўшестье* и т. п.), зафиксированного с словарях в форме *Умесцье* / *Уместье*, обязана своей причудливостью одному из первых публикаторов сведений о праздновании Вознесения в Смоленске, в котором непосредственное участие принимали крестьянки-богомолки — *авдотки*.

Приступая к анализу этого термина, обратимся к этнографическому контексту, который поможет интерпретировать данное слово с семантико-мотивационной точки зрения.

Особняком среди источников, описывающих действо в Вознесенском монастыре, стоят публикации известного смоленского краеведа, историка и знатока древностей И. И. Орловского (1869–1909) [Орловский, 1906; 1907; 2013]. Помимо этнографических деталей, подмеченных еще его предшественниками, описывавшими паломничество, Орловский уделяет особое внимание

народно-религиозным практикам, приуроченным к празднику Вознесения в Вознесенском монастыре:

Дня за два, за три до Вознесенья Смоленск начинает наполняться пестрыми толпами деревенского люда, преимущественно баб. «Ну, “авдотки” пришли!» — говорят смоляне и с ироническим любопытством рассматривают загорелые, истомленные, по большей части некрасивые лица своих меньших братьев и их оригинальные костюмы: белые балахоны, пестрые кофты и напоминающие турецкую чалму головные уборы. С наивным изумлением, морщась от яркого солнца и вдыхая раскрытыми ртами облака городской пыли, бредут «авдотки» по улицам в направлении к Вознесенскому монастырю — главной цели их паломничества. Собрались они с разных концов губернии, но больше всего встречаются «крашинских» (краснинских) и мстиславских. На три дня Смоленск превращается в типичный белорусский базар [Орловский, 2013, 245]⁴.

На *Вознесенье* даже из дальних уездов отправляются в Смоленск *к ушестью*, т. е. на ярмарку и к крестному ходу в Вознесенский монастырь. В это время монастырь и соседние улицы превращаются в настоящую этнографическую выставку: повсюду живописные толпы «авдоток» в самых разнообразных костюмах, с пряжей, холстом и др. домашними произведениями в руках. Слышится сочная белорусская речь, раздаются звуки дудок, скрипок и свистулек, идет бойкая торговля всяким деревенским товаром [Орловский, 1907, 57].

Описание внешнего вида *авдоток* — это конкретизация сведений, уже сообщенных в 1853 г. Ф. Никифоровым, который отметил такие детали костюма, как головные уборы (*кичка*), юбки (*понева*, *андарак*), бусы (*красли*), жупаны и балахоны из выбеленного холста [Никифоров, 1853/26, 208], помноженная на личные впечатления Орловского, воочию наблюдавшего *авдоток* в Смоленске. Его друг и биограф А. В. Жиркевич отмечал:

Иван Иванович с нетерпением ждал всегда праздника Вознесенья, любил бродить в толпах крестьянок, крестьян на ярмарке у монастыря, вступая с пилигримами в беседы, прислушиваясь к их речам, кое-что заноса в записные свои книжки, а зачастую и сам служа им проводником при обозрении той или другой смоленской святыни. По-белорусски же он говорил в совершенстве [Жиркевич, 2013, 142]⁵.

Уточняет Орловский этническую принадлежность *авдоток* (белорусы) и места их проживания (Краснинский и Мстиславский уезды). Отметим также, что, согласно Орловскому, *авдотки* отправляются в Смоленск *к Ушестью* — именно

⁴ Здесь и далее цитаты из очерка И. И. Орловского «Авдотки» приводятся по переизданию 2013 г. [Орловский, 2013].

⁵ Биография И. И. Орловского, составленная А. В. Жиркевичем, была опубликована в 1909 г. Здесь и далее цитаты приводятся по переизданию 2013 г.

так именуется праздник Вознесения⁶. Орловский указывает также цель паломничества, предпринимаемого *авдотками*:

Большинство авдоток идут в Смоленск «по обречанью», т. е. по обету по случаю болезни или какого-либо несчастья (чем, вероятно, и объясняется преобладающая болезненность их лиц); но многие отправляются «у Ушесцю» (сноска: «К Восшествию», т. е. к Вознесенью. — *О. Б.*) по хозяйственным расчетам, или из любопытства, увлеченные часто фантастическими рассказами о Смоленске, или, наконец, от нечего делать, так как Вознесенье обычно приходится на период затишья в деревенской рабочей страде [Орловский, 2013, 245].

В отличие от своих предшественников Орловский уделяет особое внимание поведению *авдоток* и совершаемым ими действиям:

Зайдите накануне Вознесенья в женский монастырь. Повсюду толпы богомольцев. Среди них стоят и расхаживают десятки монашек. Что же они делают? Удовлетворяют духовные потребности богомольцев? — Нет! просто-напросто торгуют. Чего, чего здесь не найдете! Авдоткам предлагают свечи всех сортов, просвирки с сусальным золотом и без него, ладан, иконки, крестики, ладунки из тряпочек с таинственным содержимым, которого нельзя видеть под страхом вечной гибели; какие-то стружки, камешки с Голгофы и Иордана, деревянное масло в пузырьках и ложками для употребления на месте («распивочно и на вынос») и т. п. <...> Даже за воду из водопроводного крана на монастырском дворе полагается класть деньги, потому что это не простая вода нелепого городского водопровода, а святая. Превращение ее из грешной (т. е. водопроводной) в святую произведено гениально просто: кака-то раба Елена устроила для монастыря водопроводный, открытый кран. Этот кран обделали в тумбу с крестом наверху и с надписью: «помяни, Господи, рабу Елену!» И вот авдотки толпами стоят у крана, рассуждают о явленном источнике, крестятся, пьют воду и бросают свои копейки: так уж полагается у явленного источника. Разубеждать их некому, да и не к стати <...> Не обходится и тут [в церкви] без курьезов: в уголку авдоткам показывали, бывало, статую ангела, которую некоторые из них пропускали себе, под рубашкой, через ворот. Делалось это для снискания чадородия [Орловский, 2013, 250–252].

Из перечисленных действий — приобретения монастырских «святых», употребления «святой» воды», манипуляций с некоей «статуей ангела» — особый интерес представляет именно последнее. Вероятно, «обет», по которому приходили в Смоленск многие *авдотки*, и состоял в том, чтобы решить проблемы с деторождением и сохранением потомства. Об этом свидетельствует и то, что в «программу» паломничества входило, помимо прочего, посещение могилы на монастырском кладбище, надгробие которой было украшено изображением амуров, которые в местной устной традиции получили название *окаменелые*

⁶ Фрагменты очерка И. И. Орловского «Авдотки» представлены в «Смоленском областном словаре» В. Н. Добровольского в качестве статей «Авдотки» и «Амур» [Добровольский, 1914, 3, 9].

детки. С этим памятником были связаны городские легенды о проклятых или безвременно погибших детях; судя по описанию Орловского, вокруг памятника к концу XIX — началу XX в. сформировался своеобразный народный культ, поддерживаемый также насельниками монастыря:

Но больше всего бывает авдоток возле памятника, изображающего скалу с крестом и со взирающими на него чугунными амурами (православная церковь не знает изображений маленьких ангельчиков). Подписи под амурами, гласящие о том, что они молятся за грехи своих родителей, подали повод к возникновению среди авдоток легенды такого рода. Жила-была барыня, у которой родились двойнятки. Барыня за что-то прокляла их; они умерли, затем явились на камне в настоящем виде с крылышками, так как Бог сделал их ангелами. По другой версии, дети умерли сами и явились на камне потому, что мать их горько о них плакала, и этим прогневила Бога. Существует и еще несколько версий, так как фантазия народа — неистощима, и каждая богомолка тклет по канве свой особый узор. Несомненно, и сами монашки поддерживали созданную богомолками легенду. Года три назад можно было видеть любопытную картину: амурчики накануне Вознесенья оказывались одетыми в рубашечки с чепчиками на головах и с цветочками в ручках. Бабы усердно крестились, глядя на “деток” и бросая в ограду деньги, пряжу и кудель [Орловский, 2013, 252].

Как отмечает Орловский в другой своей публикации, посещение памятника с изображением амуров сопровождалось обзором и других чудотворных реликвий Смоленска, в частности шлема и сандалий, якобы принадлежавших св. Меркурию Смоленскому, которые хранились в кафедральном Успенском соборе:

Авдотки рассматривают диковинки Смоленска, в соборе *надевают шлем и сандалии св. Меркурия*, в монастыре слушают молебны и пение «старцев», *дивятся на «окаменелых деток»* (чугунных ангелушков на надгробном памятнике чьих-то детей) и т. п. А возвратясь домой, рассказывают своим целые легенды о чудесах Смоленска (курсив наш. — О. Б.) [Орловский, 1907, 57].

Действия, совершаемые *авдотками* возле памятника в Вознесенском монастыре (приношение денег, пряжи и кудели), а также обряжение скульптурных изображений в детскую одежду однозначно связывают этот стихийный культ с кругом ритуальных действий, посвященных поминанию умерших (некрещеных) младенцев [см. подробнее: Кабакова, 1999, 87]. В своей публикации И. И. Орловский приводит также некоторые реплики *авдоток* относительно происходящего вокруг памятника. Из этих свидетельств становится ясно, что восприятие «окаменелых деток» в народном сознании однозначно соотносится с представлениями о проклятых детях и о неурочном часе, в который может исполниться любое проклятие, а также с поверьем, что нельзя оплакивать безвременно умерших детей:

Я вот 15 лет сюда хожу <...> Так раньше они были совсем как живые: беляненькие такие, а потом стали все темней, темней; теперь и совсем почернели.

— То-то ж грехи наши! — сокрушенно вздыхает какая-то старушка.

— А известно, грехи! — отзывается третья. — Теперь у нас, на деревне, другая матка, ошалевши, на чем свет клянет детей своих: и чтоб вы пропали, и чтоб вас трясца взяла, и чего-чего только не набрешет! А того не знает, дура, что скажет, может, в недобрый час, все по ее и сполнится. Нужно знать, какое слово в какой час сказать!

— А какой же час добрый, какой недобрый? — спрашиваю я.

— А кто ж его знает! Так говорится только, а никто ничего не знает <...> Великий это грех, душечка ты моя, ежели которая матка убивается по детям. Они свое отстрадают и будут святы, а тогда матка будет вечно страдать... Она должна за их Богу молиться; тогда они не будут страдать, и за нее Бога отмолят.

Так рассуждает одна авдотка [Орловский, 2013, 252–253].

Сейчас невозможно установить, как именно выглядел памятник, ставший местом поклонения *авдоток* — некрополь Вознесенского монастыря был уничтожен в 1920-е гг., его территория отдана под городскую застройку. Орловский отмечает, что изображения ангелов (или амуров) были установлены на «надгробном памятнике чьих-то детей» [Орловский, 1907, 57]. Благодаря этой детали можно предположить, что культ «окаменелых деток» в Смоленске сродни достаточно широко распространенной в Европе традиции почитания детских могил как чудотворных⁷.

Отметим, что этнографический очерк И. И. Орловского «Авдотки» остается единственным источником сведений о ритуальных практиках, совершавшихся у памятника на кладбище Вознесенского монастыря в праздник Вознесения. В документах, связанных с историей обители, упоминаний о каком-либо народном культе, приуроченном к монастырским объектам, нет [Аникеев, 2016]; равно как и в этнографических описаниях традиции празднования Вознесения на Смоленщине в XX в. отсутствуют сведения о когда-то совершавшемся паломничестве *авдоток* в Вознесенский монастырь [Енговатова, Латышева, 2003, 219–225].

На основании имеющихся в нашем распоряжении этнографических данных можно проанализировать специфику значения и историю происхождения слова *авдотки*, которое зафиксировано всего в трех источниках [Цебриков, 1862; Орловский, 1906; 1907], откуда в дальнейшем попало в словари, прежде всего в «Смоленский областной словарь» [Добровольский, 1914, 3, 9]. Отметим, во-первых, что перед нами не самоназвание: *авдотки* — термин внешний по отношению к означаемому, т. е. к белорусским крестьянкам, пришедшим на богомолье. Показательно в этом отношении свидетельство А. В. Жиркевича, вслед за Орловским упомянувшего «бедных белорусских крестьянок, прозванных в насмешку “авдотками” за их доверчивое простодушие городской чернью» [Жиркевич, 2013, 141].

⁷ См. работу И. Сталь, в которой специально отмечается, что детские захоронения, в том числе с надгробными памятниками в виде фигур ангелов, воспринимаются как места, где возможно получить чудесную помощь даже в том случае, если могила безымянна или представляет собой кенотаф [Stahl, 2015, 525–527].

В словарях лексема *авдотки* получает однотипное толкование, а в качестве примера словоупотребления выступает цитата из словаря Добровольского; ср.: *авдотка* ‘крестьянка-богомолка, приходившая в Смоленский монастырь Вознесенья на богомолье на праздник Вознесенья’ [СРНГ, 1, 197], ‘богомольная женщина’ [ССГ, 1, 60–61]. Предлагая этимологический разбор названия *авдотка*, А. Е. Аникин указывает: «Возможно, народно-этимологическое преобразование (по ИС *Авдотка* = блр. *Аўдотка* от *Аўдоця* = рус. *Авдотья*, наиболее частому в XVIII—XIX вв. рус. женскому ИС <...>) заимств. из польск. *dewotka* ‘женщина, демонстрирующая показную набожность, ханжа, святоша’ (XVIII в.) — от *dewot* < лат. *dēvōtus* ‘набожный, благочестивый’ <...> Из польск. также лит. *davatka* ‘чрезмерная богомолка’» [Аникин, 1, 80–81].

Учитывая скудные, но достаточно красочные этнографические сведения об *авдотках* (паломничество по «обету», поклонение местным святыням и манипуляции с ними, трансляция народно-религиозных представлений), мы склоняемся к тому, что семантика этого слова обусловлена в большей степени лексемами со значением ‘набожный, благочестивый’, нежели трансформированным именем собственным⁸. Хотя не исключено, что при упрочении названия *авдотки* в городском тексте сыграло роль бытование апеллятива, производного от имени собственного, ср. рассмотренные Е. Л. Березович и И. В. Родионовой случаи параллельного функционирования имен собственных и апеллятивов: *Дунька* и *дунька* ‘некультурная, малообразованная женщина (обычно провинциалка), простушка’ [Березович, 2007, 63], *Ванька* и *ванька* ‘о человеке непутевом, глупом’ [Родионова, 2005, 161]. Таким образом, этимологическая версия, высказанная А. Е. Аникиным, подтверждается этнографическим контекстом, благодаря которому термин *авдотки* получает новые смысловые акценты в результате того, что на польское заимствование с семантикой чрезмерной набожности накладывается семантика онима-диминутива *Авдотка*. Так и формируется образ белорусских *авдоток* с насмешливо-пренебрежительным к ним отношением.

Случай *авдоток* представляется нам отличным от других колоритных образцов бытования имен собственных в языке культуры, превращения их в апеллятивы в результате процесса деонимизации [Березович, Осипова, 2018; Березович, 2007, 62–64; Родионова, 2005] и примеров развития ассоциативно-деривационной семантики личных имен [Феоктистова, 2016]. Так, рассматривая обозначения особенностей характера или поведения человека при помощи имен собственных, переживших процесс апеллятивизации, И. В. Родионова отметила, что «выбор уменьшительной или уменьшительно-уничижительной формы имени

⁸ Ср.: «А те (авдотки. — О. Б.), бродя от одной смоленской святыни к другой, молясь и крестясь, доверяя порядочности горожан, легендам как бесспорным фактам, набираются новых глубоких впечатлений для того, чтобы унести затем эти впечатления с собою в деревню и жить той своеобразной, мистически-языческой верою, которая, однако, помогает русскому простолыдину переносить тяготу и страдания деревенской действительности» [Жиркевич, 2013, 142].

при назывании взрослого человека не был фактом нейтрального словоупотребления, а имел — пусть в минимальной степени — оценочную, экспрессивную окраску» [Родионова, 2005, 181]. В случае апеллятива *авдотки* перед нами с большой степенью вероятности все же не диминутив антропонима *Авдотья*, а отзвук польско-литовских «праформ» (ср. выше указанные А. Е. Аникиным польск. *dewotka* и лит. *davatka*), которым формант *-ka* придает оценочную окраску (подчеркивая чрезмерную и показную набожность персонажа, а также их простодушие и простонародность).

Таким образом, смоленские *авдотки* — это «псевдоантропоним», апеллятив, созвучный уменьшительной форме имени собственного. Что касается возможности заимствований из польского и литовского языков, отмечаемых этимологами при анализе семантики данного апеллятива, то это как нельзя лучше характеризует особенности языковой, этнокультурной и этноконфессиональной традиции Смоленщины, исторически объединившей и аккумулировавшей элементы русского, белорусского, польского и литовского языков, православной и католической культур.

Перспективы исследования сюжета, связанного с *авдотками*, мы видим в том, чтобы постараться найти новый материал, касающийся этой паломнической практики и судьбы самого термина. В архивных материалах первой половины XX в. нам пока не удалось найти упоминаний об этом обычае, равно как не удалось зафиксировать термин *авдотки* и свидетельства о паломничестве в современной устной традиции, возможно, потому, что Вознесенский монастырь после закрытия и разорения некрополя перестал играть роль центра духовного притяжения паломников. Еще одна задача — уточнить, насколько распространена на Смоленщине практика приношений к «святым» местам в память умерших детей и насколько культ из Вознесенского монастыря был известен за пределами Смоленска и в самом Смоленске. Пока же мы можем констатировать оригинальную этнографическую ситуацию, когда белорусские крестьянки «привязали» традиционные поверья к конкретному городскому объекту и благодаря этому локальный текст Смоленска обогатился «диалектным» содержанием.

Источники

- В. С-кий (И. Орловский). Авдотки // Смоленские мемории. Вып. 3 : А. В. Жиркевич. Ив. Ив. Орловский (Биографический очерк с приложениями — двумя портретами Орловского и его статьей) / сост., авт. коммент. Ю. А. Балбышкин, М. В. Иванов, Л. Л. Степченков ; ред. К. В. Купченко. Смоленск : Коллекция, 2013. С. 245–258.
- Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск : Тип. П. А. Силина, 1914.
- Енговатова М. А., Латышева С. А. Вознесение // Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 1 : Календарные обряды и песни / отв. ред. О. А. Пашина. М. : Индрик, 2003. С. 219–235.
- Жиркевич А. В. Ив. Ив. Орловский (Биографический очерк с приложениями — двумя портретами Орловского и его статьей) // Смоленские мемории. Вып. 3 : А. В. Жиркевич. Ив. Ив. Орловский

- (Биографический очерк с приложениями — двумя портретами Орловского и его статьей) / сост., авт. коммент. Ю. А. Балбышкин, М. В. Иванов, Л. Л. Степченков ; ред. К. В. Купченко. Смоленск : Коллекция, 2013. С. 23–258.
- Кабакова Г. И.* Дети некрещенные // Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М. : Междунар. отношения, 1999. С. 86–88.
- Неверович В.* О праздниках, поверьях и обычаях у крестьян белорусского племени, населяющих Смоленскую губернию // Памятная книжка Смоленской губернии на 1859 год. Смоленск : Тип. губ. правл., 1859. С. 123–232.
- Никифоров Ф.* Об особенностях в г. Смоленске праздника Вознесения Господня // Смолен. губ. ведомости. 1853. № 26. С. 206–208 ; № 27. С. 214–218.
- Орловский И. И.* Авдотки (Бытовой очерк) // Смолен. газ. 1906. № 119–120.
- Орловский И. И.* Краткая география Смоленской губернии. Смоленск : Тип. П. А. Силина, 1907.
- РНК — *Атрошенко О. В., Кривоцапова Ю. А., Оситова К. В.* Русский народный календарь : этнолингв. словарь / науч. ред. Е. Л. Березович. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015.
- Цебриков, 1862 — Смоленская губерния / сост. Ген. штаба штабс-капитан М. Цебриков. СПб. : Тип. департамента Ген. штаба, 1862. (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба ; т. 21).
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- ССГ — Словарь смоленских говоров : в 11 вып. / отв. ред. Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. Смоленск : СГПИ/СГПУ, 1974–2005.

Исследования

- Аникеев В. М.* Земная жизнь святой обители. Смоленский Спасо-Вознесенский женский монастырь в архивных документах XVII–XX веков. Смоленск : ПринтАП, 2016.
- Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.
- Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура. М. : Индрик, 2007.
- Березович Е. Л., Оситова К. В.* Судьба имени в свете подхода Wörter und Sachen: *Соломон* в русских говорах и просторечии // Рус. яз. в науч. освещении. 2018. № 2 (36). С. 123–148.
- Родионова И. В.* Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах // Рус. яз. в науч. освещении. 2005. № 2 (10). С. 159–189.
- Феоктистова Л. А.* К методике анализа ассоциативно-деривационной семантики личного имени. DOI 10.15826/vopr_onom.2016.13.1.005 // Вопр. ономастики. 2016. Т. 13. № 1. С. 85–116.
- Stahl I.* The Nine Miraculous Graves: Seeking Help from Beyond // The Ritual Year 10 / ed. by T. Minniyakhmetova, K. Velkoborská. Innsbruck ; Tartu : ELM Scholarly Press, 2015. P. 519–531.

Рукопись поступила в редакцию 15 ноября 2019

СОКРАЩЕНИЯ

смол. — смоленские говоры русского языка

* * *

Белова Ольга Владиславовна

доктор филологических наук, ведущий
научный сотрудник отдела этнолингвистики
и фольклора

Институт славяноведения РАН

119991, Москва, Ленинский пр., 32а

E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com

Belova, Olga Vladislavovna

DrHab, Leading Research Fellow

Department of Ethnolinguistics and Folklore

Institute of Slavic Studies

of the Russian Academy of Sciences

32A, Leninsky Ave., 119991, Moscow, Russia

Email: olgabelova.inslav@gmail.com

Olga V. Belova

Institute of Slavic Studies of the RAS

Moscow, Russia

***USHESTIE AND AVDOTKI IN THE CONTEXT
OF THE SMOLENSK URBAN NARRATIVE AND TRADITIONAL RITES***

From the middle of the 19th century, the local lore and ethnographic literature concerning Smolensk contains occasional references of an annual pilgrimage to the Spaso-Voznesensky convent made by Belarusian peasant women from the surrounding counties in celebration of the Ascension Day. The name of the holiday — *Ushestie*, *Ushestsie* — features in all known publications containing a description of the pilgrimage to Smolensk. In some sources, it takes the form of *Umestsie* and is subsequently included in dictionaries as an independent chrononym, the “local” name of the Ascension holiday. The present paper looks into the origins of the name based on the textual analysis of sources and aims to establish its phantom nature. The author also considers the term *avdotki* referring to female pilgrims to the Spaso-Voznesensky convent, with regard to its possible origins, dating, distribution area, and scope of use. The article discusses several stories associated with “*avdotki*” and shows how traditional beliefs enrooted in the local urban narrative get “materialised” in connection with specific urban objects. In the archival materials of the first half of the 20th century, references to this pilgrimage are lacking, and neither is the term *avdotki* mentioned in the modern oral tradition. This can be explained by the decline of the Spaso-Voznesensky monastery as a center of spiritual attraction after the closure and destruction of its necropolis. Further research must include studying the practice of religious offerings made to the “holy” places in memory of deceased children, and the popularity of the Spaso-Voznesensky monastery and its rituals outside Smolensk and in Smolensk itself. In the meantime, the study takes to describe a peculiar ethnographic situation when traditional beliefs are “tied” to a specific urban object enriching the local text of Smolensk with “dialect” features.

Key words: Russian language, chrononyms, dialectal vocabulary, rituals, folk calendar, urban folklore, popular religion, popular beliefs.

Acknowledgements

The author is grateful to Elena Berezovich, Demyan Valuev, Natalia Savina and Leonid Stepchenkov for their valuable consultations and assistance in finding rare printed sources.

- Anikin, A. E. (2007–). *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary] (Vols. 1–). Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.
- Berezovich, E. L. (2007). *Yazyk i traditsionnaia kul'tura* [Language and Traditional Culture]. Moscow: Indrik.
- Berezovich, E. L., & Osipova, K. V. (2018). Sud'ba imeni v svete podkhoda Wörter und Sachen: *Solomon* v russkikh govorakh i prostorechii [The History of the Name in the Light of Wörter und Sachen Approach: *Solomon* in Russian Dialects and Colloquial Language]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 123–148.
- Feoktistova, L. A. (2016). K metodike analiza assotsiativno-derivatsionnoi semantiki lichnogo imeni [On the Methodology for Analysing Associative-Derivational Semantics of a Personal Name]. *Voprosy onomastiki*, 13(1), 85–116. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2016.13.1.005
- Rodionova, I. V. (2005). Kharakterologicheskie nominatsii antroponimicheskogo proiskhozhdeniia v russkikh narodnykh govorakh [Characterological Appellatives of Anthroponymic Origin in Russian Dialects]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 159–189.
- Stahl, I. (2015). The Nine Miraculous Graves: Seeking Help from Beyond. In T. Minniyakhmetova, & K. Velkoborská (Eds.), *The Ritual Year 10* (pp. 519–531). Innsbruck; Tartu: ELM Scholarly Press.

Received 15 November 2019